

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.6>

Кулбаракова Зарина Анарбековна

КУЛЬТ И ТОТЕМНЫЙ ЗНАК БЕРКУТА В КЫРГЫЗСКО-АЛТАЙСКИХ ЭПОСАХ (НА ПРИМЕРАХ ЭПОСОВ "МАНАС" И "МААДАЙ КАРА")

Статья раскрывает содержание понятия "пласты тотемных знаков беркута", которое имеет широкое распространение в фольклоре и этнографии тюркоязычных народов. Кроме того, в статье анализируется архетипическая модель беркута, которая синтезирует взаимосвязь с корнем мирового фольклора. Установлено, что образ орла-беркута в эпических произведениях тюркоязычных народов является культовым. Этот древний мотив по-разному проявлен в тюркских эпосах. В качестве тотема, начиная с первичного прототипа (алп кара куш), он, как художественное средство, сохранил тотемный знак (берен, алгыр). Подобный, но во многом изменённый образ орла присутствует и в эпосе "Манас". Здесь образ беркута, по сравнению с эпосом "Маадай Кара", имеет не культовый характер, но, скорее, наделён качествами, относящимися к тотемным знакам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 2. С. 248-251. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82; 398.22

Дата поступления рукописи: 16.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.6>

Статья раскрывает содержание понятия «пласты тотемных знаков беркута», которое имеет широкое распространение в фольклоре и этнографии тюркоязычных народов. Кроме того, в статье анализируется архетипическая модель беркута, которая синтезирует взаимосвязь с корнем мирового фольклора. Установлено, что образ орла-беркута в эпических произведениях тюркоязычных народов является культовым. Этот древний мотив по-разному проявлен в тюркских эпосах. В качестве тотема, начиная с первичного прототипа (алп кара куш), он, как художественное средство, сохранил тотемный знак (берен, алгыр). Подобный, но во многом изменённый образ орла присутствует и в эпосе «Манас». Здесь образ беркута, по сравнению с эпосом «Маадай Кара», имеет не культовый характер, но, скорее, наделён качествами, относящимися к тотемным знакам.

Ключевые слова и фразы: культ беркута; тотемный знак беркута; эпос «Манас»; эпос «Маадай Кара»; мифическое животное; зооморфное существо; батыр; Бай Терек.

Кулбаракова Зарина Анарбековна

Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек
zarina217@mail.ru

КУЛЬТ И ТОТЕМНЫЙ ЗНАК БЕРКУТА В КЫРГЫЗСКО-АЛТАЙСКИХ ЭПОСАХ (НА ПРИМЕРАХ ЭПОСОВ «МАНАС» И «МААДАЙ КАРА»)

Тотемизм в эпосе «Манас» является единой системой в качестве обозначения признаков символов, которые перешли из древней веры в устное творчество. Здесь охвачены все явления: растение, животное, священные места и т.д. Из них в эпосе часто встречаются художественное отражение животных и его тотемные признаки. Естественно, были исследования по художественному изображению животных, но по тотемному признаку исследований мало.

Понятие «тотем» произошло от наименования племени индейцев в Северной Америке [9, с. 282]. Они являются народами, которые часто придерживались тотемной веры. Термин «тотемизм» формировался на этой основе. Тотем – животное, растение, предмет или явление природы, которые у родовых групп служили религиозным символом, объектом религиозного почитания. Тотемизм – древнейшая форма религии раннеродового строя, характеризующаяся верой в сверхъестественную связь и кровную близость данной родовой группы с каким-нибудь тотемом, который считается близким родичем [Там же]. Тотемный признак – сила свыше, волшебный признак или признак символа, с помощью признаков показывающий животных на основе народной веры и выражающий естественную силу животных в природе. Как справедливо заметил учёный Джон Пауль Рокс, который исследовал тотемный признак, «тотем считается не божеством, а родичем и другом» [20]. Это означает, что человек близок к животным, поэтому мы должны беречь их и чувствовать близость.

Пернатые из эпосов тюркоязычных народов, проживающих на территории Сибири, в отличие от своих собратьев из эпоса «Манас», имеют более выраженные волшебные, древнемифические и тотемные черты. Безусловно, это естественное явление. Алтайский эпос «Маадай кара», хакасский эпос «Алтын Арыг», бурятский эпос «Гэсэр», якутский эпос «Модун Эр Соготох», по сравнению с эпосом «Манас», сохранили больше древних мифических и тотемных черт. Эти богатырские эпосы по типологии и сюжетам созвучны с эпосом «Манас», но мир животных в них носит зооморфные, мифически-тотемные образы. Только в отдельных случаях можно наблюдать тотемистические черты. В этом можно наблюдать явный прогресс от культовых тотемов к тотемным чертам.

«Маадай Кара» известен как героический эпос. Несмотря на то, что эпос носит имя батыра Маадая, большая его часть посвящена героическим деяниям его сына Когудей-Мергена. В этом нам видится глубокий смысл о достойном сыне своего отца. Маадай Кара собрал воедино свой разрозненный народ и, осуществляя справедливое руководство, сделал людей богатыми и счастливыми. Его враг Кара-Кула после нескольких попыток сумел захватить его землю и поработить народ. Маадай Кара с супругой Кара-Кула попадает к врагу в плен, но перед этим успевает оставить своего новорождённого сына под подпирающим небо деревом Байтерек, поручив младенца его заботам. Байтерек – хозяин Алтая (священное дерево продолжения рода) [10, с. 192].

На ветвях Байтерека сидят похожие друг на друга, как две капли воды, золотые кукушки величиной с конские головы. На середине огромного древа сидят два черных орла, охраняя пространство между небом и землёй. У корней Байтерека лежат два огромных черных пса (в тексте на алтайском – тайгылы), охраняя землю. Рядом с великим деревом привязан золотой конь [17, с. 168]. Подобные элементы – свидетельство того, что заботам древа продолжения рода поручили не обычного младенца, а будущего богатыря – продолжателя рода Маадай Кара. Также эти элементы говорят о том, что животные и птицы, охраняющие древо, имеют с ребёнком тесные анимистические связи. Их души связаны с душой ребёнка через Байтерек, который будет выполнять по отношению к младенцу и охранительную функцию на протяжении всей его земной жизни.

Орёл из эпоса «Маадай Кара», который властвует на срединном слое Байтерека, довольно часто встречается и в эпосе «Манас», особенно в мотивах сновидений, сравнительных характеристиках батыров и пейзажных зарисовках. Этот орёл, занимающий положение на ветвях Байтерека ниже кукушек, – страж,

посланный Небом для осуществления функций по охране земли. Именно поэтому основные герои эпосов «Маадай Кара», «Гэсэр», «Алтын Арыг» и «Алып Манаш» не изображаются с беркутами на руке, и их не сопровождают гончие псы-тайганы. Беркуты – помощники батыров, в отдельных случаях они говорят на человеческом языке, приходя им на помощь. Находясь рядом с батырами в моменты совершения ими подвигов, беркуты, являющиеся символами мощи и чуткости, придают их образам большую художественность. Исторические источники также подтверждают, что беркуты в определённой мере имели охранительные функции. К примеру, Чингизхан, наделяя одного из беков Золотой Орды Уйшин-Майкья-бия титулом, произнёс: «Твоё дерево – тополь, птица – беркут, имя – Салават, родовой знак – сурку». А Кункрат-бий-оглу Сенкелэ сказал: «Твоё дерево – яблоня, птица – сокол сапсан, имя – Кункрат, родовая тамга – айболсун» [1, с. 88]. Приучать и воспитывать беркута и тайганов во времена Чингизхана дозволялось только бекам. Иначе говоря, подобные атрибуты наделённого властью человека поднимали его статус. Понятно, что воспитывать с юности и тренировать царя птиц – беркута было не каждому по плечу, да и мало кто пытался этим заниматься. Главы родов, беки могли сажать на свою руку только пернатого хищника того вида, которым наделил его Чингизхан. Если же живой ловчей птицы у бека не было по какой-то причине, её изображение помещалось на знамени рода, военной палатке или кольчуге бека [Там же, с. 89-90].

В якутской мифологии много тотемных мифов о беркутах. В одном из них рассказывается о беркуте, помогающем батыру. Вождь-батыр рода Кангалас потерпел поражение и попал в плен. Он сумел сбежать, но в пустыне без воды и пищи уже лежал, ожидая неминуемой смерти. Над ним в вышине пролетала стая гусей. Вдруг, откуда ни возьмись, появился орёл, который сбил одного из гусей прямо к умирающему и тем спас его от смерти. С того дня божеством-спасителем рода Кангалас стал почитаться орёл [16, с. 179]. И поныне старики рода пролетающего в небе орла считают своим божеством. В него нельзя не только стрелять, но и говорить осуждающие слова. Какой-то охотник, вернувшись домой, увидел, что во дворе орёл клюёт убитого телёнка. В приступе гнева он застрелил орла, а затем сварил его и съел вместе со всей своей семьёй. Вскоре охотник сильно заболел. К нему приводят лекаря-шамана. В момент камлания вдруг шаман заговорил голосом орла: «Я не оставляю тебя в течение жизни девяти поколений твоих потомков, буду забирать их жизни». Все девять поколений потомков охотника стали умирать в раннем детстве от чесотки. Последний, девятый, потомок дожил до нашего времени, но стал глухонемым и вынужден был покинуть землю предков [Там же, с. 180].

В мировой мифологии орёл в качестве мифического тотема, зооморфного существа, волшебной птицы олицетворяет различные космогонические образы. К примеру, в греческой мифологии одним из атрибутов Зевса был орёл. Главное божество Олимпа посылало его с заданиями на землю или в подземный мир. Орёл доставлял хозяину необходимую информацию. Орёл этот каждый день прилетал к скале на Кавказе к прикованному Прометею, чтобы клевать ему печень. Этому мотиву есть параллель в мифологии американских индейцев. У Верховного бога Маниту тоже есть беркут, которого хозяин посылает на землю наказывать людей, совершивших какие-то плохие деяния. Иногда Маниту сам обращался в орла [18, с. 61]. Из этого можно видеть, что наряду с функцией помощника орёл в необходимых случаях может выступать как чёрная сила, карающая людей. В современных верованиях якутов орёл – царь птиц, занимающий срединное положение между белым и чёрным, посланец неба вплоть до подземного мира. Если случайно подстрелишь орла, следует, не наступая на его крылья, с почётом захоронить его и положить сверху камень, приговаривая: «Из века в век, пока жив народ якутов, не поднимайся, как камень, упавший в воду» [16, с. 183]. Следовательно, здесь мы видим, что в представлении якутов беркут обладал и способностью подниматься из-под земли в небо. Это мотив культа тенгрианства, делящего мир на три слоя: синее небо – земля – подземный мир чёрных сил.

В киргизском эпосе «Эр Тёштюк» царь беркутов Зымырык (Алпкаракуш) вызволяет и выносит Тёштюка из подземного мира. В эпосах «Модун эр согодох» и «Гэсэр» беркут главных героев доставляет в подземное царство Эрлик, посадив на свои крылья. Если кукушка является медиатором, посланным небом на землю в качестве продолжателя жизни, то орёл был посланцем из птиц, способным проникать сквозь врата, соединяющие небо с землёй и землю с подземным Эрликом.

Беркут был священным тотемом большинства американских и австралийских племён уже в первобытно-общинном строе, талисман из его когтей как защитный тотем мог носить вождь племени, а затем только соплеменник, совершивший героизм. Такое тотемистическое верование, возникнув, конечно, у тюркских народов, затем приняло многочисленные варианты. Отсюда и отношение к беркуту как к священному существу, запрет убивать и наступать на его крылья. Табу на убийство орла возникло после тотема, ибо гибель царя птиц от руки человека приведёт к смерти этого человека.

На эстампаже, сделанном тюркологом Г. Рамстедтом с принадлежащего древним киргизам письменного памятника Сужа (Монголия, район Сужи-Давань, VIII-IX вв.), есть изображение хищной птицы, напоминающее орла или грифа. Нет сомнения в том, что письмена на камне, напоминающие рунические знаки, имеют какое-то содержание, символы кочевых племён и родов. Таштыкские находки с изображениями птиц своими восточными корнями уходят во времена Тагар. А. П. Окладников об образе орла, встречающемся во многих произведениях тюрко-монгольских народов, отмечал: «Орёл, как символ счастья и благоденствия, считается в обществах, ведущих животноводческий образ жизни, главным защитником и властелином священного неба» [8, с. 32].

В эпосе «Манас» можно встретить поэтические повторения пейзажных зарисовок «На вершине каждого Чинара (священный тополь) Великая птица строит свои гнёзда». Великая птица в поэтическом контексте эпоса, конечно, беркут. Об этом в своём труде говорил и манасовед С. Мусаев [15, с. 24]. В варианте С. Орозбакова встреча героев с орлами (алп кара куш, зымырык, берен, великая птица), полёт с ними

на поверхность земли имеют большую мифическую основу. К примеру, когда войско Манаса одерживает в битве победу, Кубан хан привозит Манасу дары и рассказывает Эр Урбю случай, приключившийся с ним. Услышав, что к ним едет мусульманский хан по имени Мунар, Кубан хан противится его попыткам обратить его в мусульманскую веру. Вдруг Кубан хан оказывается в пустыне, покрытой густым белым туманом, а затем – в море на деревянном плоту. Спасаясь от огромного кита, выплывает на сушу, и тут сильный вихрь уносит его в небо. Там он видит весь в золоте город и жителей в золотых одеяниях. С недовольным видом эти люди сталкивают его с неба, и когда Кубан хан летел к земле, потеряв надежду выжить, откуда ни возьмись появилась огромная птица и закогтила его:

Птица, с юрты походную величиной,
 На полпути меня схватила
 Крепко своими когтями.
 В её огромных мощных когтях
 Я был, как жаворонок в лапах орла,
 Не имея сил шевельнуться.
 Эта птица принесла меня
 На вершину огромного дерева,
 Разжав свои мощные когти,
 Уже собралась клевать меня [13, с. 68].

Упомянув о величине птицы, манасчи С. Орозбаков сравнивает её с отой юртой – облегчённым не очень большим вариантом юрты, которой пользовались во время перекочёвок, в боевых походах. Молодожёны первое время также жили в таких юртах [19, с. 216]. Здесь мы вновь встречаемся с древним мотивом о птице-владельце пространства между небом и землёй. В эпизоде, в котором птица на вершине огромного дерева собирается убить свою добычу, мы видим второй мотив о лишении жертвы души. До обретения функции священной птицы орёл был табуированным существом, посылаемым Небом для лишения человека жизни, затем только этот образ стал тотемом. Проследим это на примере дальнейшего развития сюжета:

В это мгновение ока
 Вдруг появилось существо
 С огромной, как палатка, головой,
 Покрытой толстым, как аркан, волосом (аргамжыдай),
 С глазами, как большие казаны.
 Было оно размером с огромного носорога,
 С узким, приземистым задом.
 Каждый коготь у него
 Был как средней длины копье,
 Два крыла, четыре лапы,
 А из пасти пышет пламя.
 Он напал на большого орла,
 Крепко держащего меня.
 Тот разжал свои когти
 И метнулся прочь.
 Тут второе существо
 С корнем вырвало дерево
 И, швырнув вместе со мной,
 Устремилось за первым орлом.
 Я же лежал весь в глине,
 Радуюсь своему спасенью,
 Но тут три тигра с трёх сторон
 Меня на земле окружили [13, с. 69].

Эта страшная птица, погнавшаяся за орлом, – зооморфное, мифическое существо. Эта двукрылая, четырёхногая птица – мифический тотем, появившийся много раньше орлов и близкий к пантеону богов. Вне всякого сомнения, взаимосвязь двух тотемов здесь – свидетельство столкновения разных мировоззрений двух эпох.

Падение Кубана с дерева тут же сопровождается встречей с тиграми. В мировой мифологии на верхних ветвях древа жизни всегда обитают кукушки, на средних ветвях – беркуты, а у подножия располагаются (или привязаны) собака, тигр, лев или волк. Подобные изображения можно видеть на боках греческих амфор, где посаженные на цепь львы ходят кругом [14, с. 377]. В эпосе «Манас» Кубан хан, чудом избежавший гибели в лапах беркута, попадает в когти тигров. Это уже третий мотив – жизнь на земле, страх перед хищными животными. Зажмурившись от страха, Кубан, чтобы спастись от клыков трёх тигров, начинает читать мусульманские молитвы. Открыв глаза, он видит, что Мунар хан протягивает ему руку. В этих образных описаниях мы видим картину того, как древние верования были побеждены мусульманской религией.

В более поздние эпохи человек научился приручать беркутов (и других ловчих птиц) и использовать их как помощников на охоте. В это время страх перед хищными птицами (табу) был забыт. Но преклонение перед орлами, как царями птиц, сохранилось, люди старались перенять их качества и передать своим детям: бесстрашие, гордость, зоркость и др. К примеру, считается, что из всех живых существ умение видеть албарсты (мифическое существо, которое овладевает человеком, делая его больным и неспособным двигаться) дано только орлам. Поэтому в жилище к таким больным часто приносили орлов. Также считалось, что беркутчи-охотники обладают способностью изгонять албарсты из больного, в котором он поселился [11, с. 495]. В мифах некоторых народов орлы – вестники хорошего, властители счастья и высокой власти. К примеру, ещё в бронзовом веке народы Центральной Азии поклонялись орлам. Об этом А. П. Окладников писал: «Беркуты, как залог благоденствия и счастья, почитались животноводческим обществом в качестве самого главного помощника, несущего в себе милосердие небес» [12, с. 716].

Обобщая, можно сказать, что орёл в эпосе «Манас» сохранил своё значение как тотема. При изображении батыров он выполняет художественную функцию сравнения. В варианте С. Орозбакова можно встретить мифическое пернатое Алпкаракуш (Исполинская чёрная птица) – прототип беркута. Подобного слоя верования нет в эпосе «Маадай Кара», но в образе орла видна частичная трансформация культового мировоззрения в тотемный знак.

Список источников

1. Аристов А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек: Илим, 2003. 375 с.
2. Бартольд В. В. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер. Бишкек: Айбек, 1997. 535 с.
3. Бернштам А. Н. Кыргыздардын жана Кыргызстандын тарыхы жана археологиясы боюнча тандалма эмгектер. Бишкек: Айбек, 2004. 702 с.
4. Бускунов А. М., Кульшарипов М. М. Культы животных и птиц в башкирской мифологии и истории общественной мысли // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. С. 8-32.
5. Гумилев Л. Н. Байыркы түрктөр. Бишкек: Ариал-Принт, 1999. 412 с.
6. Каралаев С. Манас. Бишкек: Турар, 2010. 1005 с.
7. Каратаев О. К. Кыргыздардын теги, таралуу ареалы, этностук-маданий алакалары. Бишкек: КТМУ, 2013. 32 с.
8. Каратаев О. К. Кыргыздардын уруулук эн тамга белгилери жана алардын маанилери. Бишкек: КТМУ, 2013. 210 с.
9. Каратаев О. К., Эралиев С. Н. Кыргызский этнографический словарь. Бишкек: Бийиктик, 2005. 282 с.
10. Маадай Кара. Омск: Алтайское книжное издательство, 1979. 269 с.
11. Манас: варианты С. Орозбакова: в 9-ти т. Бишкек: Кыргызстан, 1995. Т. I. 566 с.
12. Манас: варианты С. Орозбакова: в 9-ти т. Бишкек: Кыргызстан, 1997. Т. II. 800 с.
13. Манас: варианты С. Орозбакова: в 9-ти т. Бишкек: Кыргызстан, 1997. Т. IV. 611 с.
14. Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 2008. 1147 с.
15. Мусаев С. Эпос Манас. Фрунзе: Бийиктик, 1986. 216 с.
16. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1995. 415 с.
17. Суразаков С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 255 с.
18. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.
19. Толковый словарь эпоса «Манас». Бишкек: Бийиктик Плюс, 2015. 284 с.
20. Artun E. Türklerde İslamiyet Öncesi İnanç Sistemleri – Öğrettiler – Dinler [Электронный ресурс]. URL: http://turkoloji.cu.edu.tr/HALKBILIM/erman_artun_inanc_sistemleri.pdf (дата обращения: 18.09.2018).

CULT AND TOTEM OF GOLDEN EAGLE IN THE KYRGYZ-ALTAI EPOSES (BY THE EXAMPLE OF “МАНАС” AND “МААДАЙ КАРА” EPOSES)

Kulbarakova Zarina Anarbekovna

*National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek
zarina217@mail.ru*

The article reveals the content of the notion “layers of golden eagle totem”, which is widely used in the folklore and ethnography of the Turkic people. The author analyses the archetypal golden eagle model that synthesizes interrelation with the roots of the world folklore. It is shown that the golden eagle image is a cult one in the Turkic epics. This ancient motive is fully represented in the Turkic eposes. As an artistic means, the golden eagle image preserved the features of a totem (‘берен’, ‘алгыр’), which dates back to the primary prototype ‘алп кара куш’. The similar but in many ways modified eagle image is observable in “Манас” epos. Here, in comparison with “Маадай Кара”, the golden eagle image is not cultic but is endowed with the qualities of totems.

Key words and phrases: golden eagle cult; golden eagle totem; “Манас” epos; “Маадай Кара” epos; mythical animal; zoomorphic creature; batyr; Bai Terek.